

воспринимать как серьезнейшее исследование по теории международных отношений, книга может и должна быть прочитана и в этом свете». Докладчик затронул, разумеется, и проблемы исторического скептицизма Толстого, соотношения свободы и детерминированности, рационального и иррационального начал в толстовской историософии. Проблема международных отношений, заключил Д. Велч, осталась для Толстого проблемой метафизической, приблизиться к которой он смог именно как исторический романист.

Вступив в дискуссию с вопросом: «Что же конструктивного в теории Толстого? Только то, что он был честен?», — профессор Морсон на свой вопрос сам же и ответил. «Для Толстого, — сказал он, — существуют только метафизические ответы. Для него нет *достаточной* причины. Если признать, что существуют мириады причин и история столь же сложна, как сама природа, то мы имеем дело с особым, толстовским, типом детерминизма. Говоря о метафизических предметах, Толстой на этом и останавливается».

С заключительным докладом «Дуэль как микрокосм войны» выступил полковник МакПик. Начав с того, что сегодня концепция войны часто излагается «по Клаузевицу», докладчик сказал: «Два влиятельных философа войны Карл фон Клаузевиц и Лев Толстой использовали пример дуэли для объяснения читателям природы войны. Клаузевиц изображал войну как множественные дуэли, Толстой изобразил поединок как микрокосм войны». МакПик обратился к истории дуэлей в России и русскому дуэльному кодексу, особое внимание сосредоточив на идее насилия. На основе медленного, контекстуального прочтения эпизода, описывающего поединок между Пьером и Долоховым, он представил соотношение дуэли и войны «по Клаузевицу» и «по Толстому». Не был забыт и «поединок» Николая Ростова с французским офицером. С этих эпизодов, отметил МакПик, начинается изучение «Войны и мира» кадетами в Вест-Пойнте. В подтверждение чего присутствовавшие в зале кадеты буквально атаковали своего профессора вопросами, удивив слушателей и знанием текста романа, и остротой реакции на вопрос о личном участии в насилии и убийстве.

Вечером за ужином В. И. Толстой, директор музея Толстого в Ясной Поляне, свое выступление посвятил связанным с «Войной и миром» семейным преданиям и легендам.

Конференция продемонстрировала то, ради чего и была созвана, — актуальность изучения творчества Толстого как в педагогическом процессе, так и в современных академических штудиях.

© Я. Г. Глебова

«ТОЛСТОЙ И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ».

V ВЕСЕННИЕ ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ИМЛИ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО)

На Пятых ежегодных Толстовских чтениях в ИМЛИ (12—13 мая 2010 года), получивших название Весенних в память о родившейся весной Л. Д. Громовой-Опульской, исследователей (главным образом московских) объединила тема «Толстой и русские писатели». Отметив с сожалением недостаток внимания средств массовой информации к 100-летию со дня смер-

ти Л. Н. Толстого, директор Института мировой литературы академик РАН А. Б. Куделин свое выступление начал утверждением, что именно после Толстого русская литература получила мировое признание, переводы классической русской литературы стали частью мирового культурного процесса. «Влияние Толстого, — сказал А. Б. Куделин, — испытали Г. Флобер, Т. Манн, А. Стриндберг и многие другие, а его „уход“ как один из концептов мировой культуры, „событие, равное Цусиме“, по словам А. Белого, породил многочисленные легенды. Однако, „легенда не ошибается, как ошибаются историки“, — процитировал докладчик слова П. Флоренского, — поэтому нуждаются в осмыслении и многочисленные легенды, связанные с именем Толстого». Оценкой результатов и перспектив работы толстовской Группы ИМЛИ, готовящей новое академическое Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого в 100 томах, А. Б. Куделин продолжил и завершил свое выступление.

В приветственном слове «Толстой сегодня» директор яснополянского музея В. И. Толстой прежде всего счел необходимым сказать о мощной международной востребованности Толстого: его романы повсеместно выходят в новых переводах (так, «Анна Каренина» за последние годы в Англии была переведена трижды). «Нужны люди, — продолжил В. И. Толстой, — которые, чувствуя эту востребованность, постоянно напоминали бы о ней обществу. Толстой объединил три века русской литературы: своих предшественников (Пушкина, Гоголя), ближайших современников и, что не менее важно, младших современников — писателей и мыслителей конца XIX-го (Бунин, Короленко) и Серебряного века, а вслед за ними — и авторов середины и конца XX века, „деревенщиков“, создателей военной прозы, на которой все мы воспитаны».

В. Б. Ремизов, директор Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве, представил аудитории информацию о готовящемся энциклопедическом обозрении «Толстой и русские писатели». В настоящее время уже создан отвечающий этой задаче сайт. О составе статей как для сайта, так и для обозрения и рассказал в своем выступлении В. Б. Ремизов, заметив, что многие направления науки о Толстом нуждаются в дальнейшей разработке. Так, новые подходы необходимы в исследовании толстовской педагогики, мало изучены отношения Толстого с современной ему русской поэзией и с поэзией начала XX века.

Доклад «Л. Н. Толстой и М. А. Шолохов» П. В. Палиевский (ИМЛИ) начал констатацией, что в XX веке не было писателя, который не испытал бы влияния Толстого. В «Мастере и Маргарите», например в главах о Ершалаиме, ощутимы не только толстовский стиль и слог, но и обращение к истине — как толстовская художественная задача. В эпосе Шолохова, продолжил П. В. Палиевский, несомненно присутствуют толстовские интонации, а отдельные детали можно отнести к числу прямых заимствований, при этом важнейшим остается толстовский взгляд на вещи. Шолохов, по мысли докладчика, расширил пределы толстовского эпоса — в изображении национального характера, в обращении к природе. После Толстого, усвоив его опыт, он вышел к живущей в столетиях классической эпической русской традиции, включающей как «Слово о полку Игореве», так и ряд других памятников.

Рассказом о запомнившейся ему поездке в Ясную Поляну десятилетним мальчиком в 1950 году заседание продолжил С. А. Небольсин (ИМЛИ). Отталкиваясь от непосредственных впечатлений своего детства, докладчик сделал широкие обобщения о соотношении искусства и жизненных реалий.

После С. А. Небольсина слово получила А. Г. Гродецкая (ИРЛИ, Санкт-Петербург), которая в докладе «Толстой и Гончаров» представила отношения писателей-современников, начавшиеся в конце 1850-х годов, прервавшиеся на 30 лет и возобновленные в конце 1880-х, как несостоявшийся диалог. Поставив задачу объяснить причины очевидного взаимоотношения двух, казалось бы, эстетически близких романистов, докладчица сосредоточила внимание на поздних толстовских оценках Гончарова как «эстетика», «литератора» (еще более «литератора», чем Тургенев). Неприятие Толстым эстетических принципов старшего современника было, по мнению А. Г. Гродецкой, во многом обусловлено явно «нетолстовскими» качествами гончаровской поэтики, анализу которых она и посвятила основную часть своего выступления.

Вечернее заседание открылось докладом И. А. Есаулова (РГГУ) «Поэтика Л. Н. Толстого и православная культура в современном контексте восприятия: дискуссионные проблемы». В последние два десятилетия, как отметил докладчик, наследие Толстого все чаще рассматривается в контексте христианской культуры, при этом обозначились две крайности такого подхода — либо полная христианизация этого наследия, игнорирующая расхождения Толстого с Церковью, либо, напротив, признание полной несовместимости его идей с идеями Церкви. Продуктивнее, подчеркнул И. А. Есаулов, исследование данной проблемы не как публицистической, но как научной, т. е. априори неоднозначной, дискуссионной. Не поддержал он и подхода, предложенного в свое время М. Л. Гаспаровым, который перед исследователем ставил задачу воссоздать «ожидания современников», вжиться в их сознание. «Толстой, как и любой большой художник, — сказал И. А. Есаулов, — писал не для современников, его тексты распахнуты в „большое время“, и современный читатель не обязан читать его произведения, как они читались его современниками». Именно поэтому, подчеркнул он, современная «православная филология» не решает декларируемых ею задач, это новое филологическое начетничество, напрямую, некорректно экстраполирующее элементы православной догматики на художественную литературу. Христианскую традицию в литературе, по мнению И. А. Есаулова, следует рассматривать как явление «культурного бессознательного», культурной памяти, или того национального типа духовности, носящего трансисторический характер, который так или иначе преломляется в произведении. Таковы, например, у Толстого органические метафоры (рой, улей и др.), в которых, несомненно, репрезентирует себя соборное начало.

Г. В. Жирков (СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «Открытые письма Толстого в контексте политического процесса общества России начала XX века» обратил внимание на то, насколько мало исследована публицистика Толстого, тогда как он не в последнюю очередь был человеком дела, деятелем и в конце века как журналист владел умами мира. И сегодня, заметил докладчик, Толстой-публицист далеко не во всем удобен современному обществу. «В истории журналистики, — сказал Г. В. Жирков, — фигура Толстого занимает особое место, прежде всего по разнообразию жанров эссеистики, в которых он работал. Толстого, к примеру, можно считать родоначальником жанра интервью, он дал их около двухсот. В открытых письмах, близких проповеди, слову, беседе, Толстой также был новатором. Его колоссальная всемирная переписка (более 10 000 писем разным лицам), огромный добровольный труд, создала глобализованного адресата, частные письма приобрели всеобщий характер, были обращены к миру, рассчитаны на массовую аудиторию». Письмо благодаря Толстому, заклю-

чил докладчик, обрело социальную роль, его собственные письма стали общественным явлением, влиявшим на социальную и культурную жизнь общества.

Сложной интригой предстала история взаимоотношений Страхова с Достоевским и Толстым в докладе В. Н. Захарова (РГНФ, Москва) «Ф. М. Достоевский — Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстой». Ее итогом стала историческая «невстреча» двух величайших русских писателей. Отношения между Толстым и Достоевским оказались целиком в руках Страхова, и сложность его контактов с Достоевским — полемических, дискомфортных, как подчеркнул В. Н. Захаров, во многом обусловленных собственным страховским «подпольем», мотивировала «невстречу». Свою концепцию докладчик аргументировал ссылками на ранее неизвестные архивные документы.

О первом десятилетнем рубеже «после Толстого» шла речь в докладе **Д-д.** Николаева (ИМЛИ) «Что значит понимать Толстого? (10 лет со дня смерти писателя в периодических изданиях русской эмиграции)», в котором автор развернул широкую картину толстовских публикаций 1920 года в эмигрантских изданиях Парижа, Лондона, Берлина и Харбина, отметив, что на это событие отреагировали все без исключения влиятельные идейно-политические и литературные группы.

Конкретным толстовским текстам были посвящены следующие два доклада сотрудниц Группы по подготовке ПСС Л. Н. Толстого в ИМЛИ — И. Б. Павловой «Онтологическая драма в рассказе Л. Н. Толстого „Метель”», выявившей мифопоэтический план основных художественно-семантических мотивов рассказа, и Н. И. Романовой, рассмотревшей в докладе «Некоторые аспекты художественного решения темы материнства в русских повестях о детстве середины XIX века» толстовское «Детство» в контексте автобиографических произведений С. Т. Аксакова, П. А. Кулиша и А. Я. Панаевой.

К проблеме актуализации в современном литературном процессе традиции «народных рассказов» Л. Н. Толстого обратилась С. Ю. Николаева (ТГУ, Тверь) в докладе «„Русские святые”: сюжет о трех старцах в интерпретации Л. Н. Толстого и Ю. П. Кузнецова». «Юрий Кузнецов, — сказала С. Ю. Николаева, — сосредоточен на воплощении русской национальной топики в той ее части, которая связана с закономерностями русской истории, с духовно-религиозным опытом человека нашего времени». Объектом рассмотрения в докладе стало одно из итоговых произведений Ю. Кузнецова — небольшая поэма «Молитва» (2003), воссоздающая известный «бродячий» сюжет о чудесном хождении праведников по водам, об истинности их веры и безыскусности молитвы.

Заседания второго дня открыли выступления сотрудников ИМЛИ, посвященные восприятию Толстого его младшими современниками.

Заведующая Отделом изучения и издания А. М. Горького Л. А. Спиридонова в докладе «Вопросы о главном (Л. Н. Толстой и М. Горький)» прежде всего обратилась к проблеме богостроительства Горького, не удовлетворенного «ответами» Толстого, к собственным его поискам веры, смысла жизни, назначения человека. Речь в докладе шла как о полемике Горького с Толстым (например, в повести «Исповедь»), так и о широком и последовательном усвоении им художественного опыта старшего современника (в автобиографической трилогии, в романе-хронике «Жизнь Клима Самгина» и др.).

О единственном эпизоде чтения Толстым в 1910 году сборника И. Северянина «Интуитивные краски» рассказала в докладе «Л. Н. Толстой и И. Северянин» Н. И. Гусева. Читая сборник и не зная имени автора, Толстой «много смеялся», как поведал о том в очерке, опубликованном в «Бир-

жевых ведомостях» в январе 1910 года, И. Ф. Наживин. Н. И. Гусева отметила, что стихи молодого поэта вызвали не только смех, но и очевидный интерес Толстого, более того, как ею было установлено, именно с этого эпизода Северянин вел отсчет своей славы, поскольку тексты его стихов, оказавшихся в поле зрения Толстого, появились и в столичных, и в провинциальных газетах. Толстому, кроме того, Северянин посвятил целый ряд произведений 1900—1920-х годов.

В. Н. Терехина в докладе «Лев Толстой в восприятии Маяковского», определив как главенствующий пародийно-сатирический аспект этого восприятия, указала на то, что поэт воевал с многочисленными возникшими вокруг имени Толстого мифами, фантомами, ходячими формулами. Апофеозом выступлений Маяковского против современных ему неуклонно множившихся пошлых представлений о Толстом стала его пьеса «Баня».

В XIX век слушателей вернул И. А. Виноградов (ИМЛИ) небольшим сообщением под названием «Не война и не мир: „Тарас Бульба” в восприятии Л. Н. Толстого». Рассмотрев несколько исключительно негативных толстовских оценок «Тараса Бульбы» («воспевание убийства» и аналогичные), докладчик остановился на проблеме соотношения православного понимания воинского долга у Гоголя и толстовского взгляда на войну. И. А. Виноградов также сопоставил сцены бросания в толпу пирожных Александром I в «Войне и мире» и польской панной в «Тарасе Бульбе».

Противоречивые эмоции не мог не вызвать у аудитории доклад Н. Н. Примочкиной (ИМЛИ) «Образ Л. Н. Толстого в романе В. Пелевина „Т”», в котором пелевинский роман был представлен как типичный деконструкционный постмодернистский текст, претендующий на то, чтобы Толстого дать в современном восприятии. У Пелевина, как сообщила докладчица, маркетологи «раскручивают» некий проект романа «про то, как жила аристократия, когда Рублевки еще не было», автор же сознает, что Толстой сегодня интересен читателю только как граф, но не как Толстой.

Научные разработки музея-усадьбы Толстого в Ясной Поляне нашли отражение в трех докладах его сотрудниц. Старейшая и заслуженная среди них, Т. Н. Архангельская, посвятила свое выступление теме, которой давно и плодотворно занимается, — «Л. Н. Толстой и К. Н. Леонтьев: литературные параллели». Очевидные сближения и совпадения сюжетных ситуаций в целом ряде произведений Леонтьева и Толстого и были убедительно продемонстрированы в ее докладе. Е. В. Белоусова говорила о духовном, творческом, исследовательском интересе Толстого к Русскому Северу, к его преданиям и легендам («Л. Н. Толстой и В. П. Щеголенок»), а З. М. Богачева продолжила ту же тему рассказом об отношениях Толстого и крестьянского писателя И. Г. Журавлева.

На вечернем заседании в основном прозвучали доклады не выступавших в первый день конференции сотрудников толстовской Группы ИМЛИ.

Главный редактор нового академического издания А. В. Гулин в своем выступлении «Л. Н. Толстой и С. А. Есенин в духовной истории России (к постановке проблемы)» заметил, что имя Толстого ни разу не появляется в поэзии Есенина. Мы не знаем, как он воспринимал «Войну и мир», «Анну Каренину», хотя есенинская начитанность, несомненно, предполагает знание поэтом как этих, так и других произведений Толстого. «При всем различии двух художественных миров, — сказал А. В. Гулин, — мы наблюдаем редкое тематическое, проблемное родство, существующее между двумя художниками. Если граф Толстой на склоне лет всей душой готов принять ценности русского крестьянства, то Есенин — первый в истории национальной словесности гениальный художник, воспитанный в народном, крестьян-

янском мире. Если Толстой в 1905—1907 годах ощущает себя „защитником 100-миллионного русского земледельческого народа”, то Есенин в годы великой русской смуты, наступившей десятилетием позже, выступает как „последний поэт деревни”, дерзко бросает вызов разрушителям векового сельского уклада России. Мысли о столкновении почвенной жизни и цивилизации нигде в русской литературе не звучат столь мощно, как у Толстого и Есенина». Художники, различные по творческому складу, как отметил докладчик, были во многом родственны по силе сосредоточенности на коренных вопросах духовной жизни человека и народа, обоих, по его словам, «отличает редкая способность отзываться на духовные процессы, происходящие в русском мире, обнимать эти процессы во всей полноте, постигать народную душу в ее бесконечной сложности и парадоксах. При этом и Толстой, и Есенин обладают редким свойством соединять в своем творчестве элементы широкого созерцания, постижения действительности и переживания, медиумического „пропускания через себя” духовных процессов своего времени».

М. А. Можарова в докладе «Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев: „Только разногласие связует два различные созвучия”» в словах И. В. Киреевского, вынесенных в заглавие доклада, нашла определение характеру личных и творческих отношений двух писателей, творческому общению которых не смогли помешать ссоры, примирения и разрыв, длившийся семнадцать лет. Роман Тургенева «Отцы и дети», по мысли докладчицы, при всей значимости его общественного звучания был обращен также лично к Толстому: в нем отразились и жизненные реалии, и темы споров двух писателей, и прежде всего психологическая картина их общения в период с ноября 1855-го по май 1861 года.

Установленный Л. В. Гладковой («Стихотворение Ф. И. Тютчева „Silentium!” и его восприятие Толстым») источник тютчевского текста — стихотворение А. де Ламартина «Мудрость», позволил докладчице пояснить толстовскую интерпретацию знаменитых тютчевских строк. Стих Ламартина «Toute pensee est une erreur» почти полностью совпадает со строкой Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь», а то, что у Тютчева только угадывается, Ламартином произнесено прямо: «Car la parole est au Seigneur» («Ибо слово принадлежит Богу»). Аллюзия на первую строку Евангелия от Иоанна, присутствующая у Ламартина и подразумеваемая Тютчевым, была очевидна для Льва Толстого, поместившего стихотворение Тютчева в «Круге чтения» под 30 сентября и сопроводившего его комментарием: «Чем уединеннее человек, тем слышнее ему всегда зовущий его голос Бога» (42, 107).

В сообщении «Л. Н. Толстой и А. Н. Толстой: к вопросу о литературных параллелях на материалах романов о Петре I» Г. Н. Ковалева, обратившись к сопоставлению эпизодов, относящихся к князю В. В. Голицыну, из незавершенного романа Л. Н. Толстого о Петре I и из романа А. Н. Толстого «Петр I», доказала факт знакомства А. Н. Толстого с публикацией 18-ти фрагментов романа Л. Н. Толстого в 1925 году в одном из эмигрантских изданий. Ранее в литературе об А. Н. Толстом этот факт не был известен. Выявленное Г. Н. Ковалевой совпадение содержания двух эпизодов дало ей основание заключить, что фрагмент о Голицыне из романа Л. Н. Толстого являлся источником соответствующего эпизода романа А. Н. Толстого.

Известную близость позиций Толстого и Писемского обнаружила И. И. Сизова в докладе «Тип „практического” человека в романе „Тысяча душ” А. Ф. Писемского и в комедии „Зараженное семейство” Л. Н. Толстого». Для акцизного чиновника Венеровского, толстовского героя-разночинца, как и для героя Писемского, характерна, например, идея самопострое-

ния личности, он, кроме того, не чужд и популярных в разнотинной среде 1850—1860-х годов теорий воспитания, педагогических систем, которые, как отметила докладчица, в целом не вызывают острой критики автора.

А. В. Федоров (Изд-во «Русское слово», Москва) в докладе «Нравственная мера истории: проблема творческих взаимосвязей Алексея Константиновича и Льва Николаевича Толстых» прокомментировал биографические факты общения писателей, их взаимные оценки. «Несмотря на творческую и мировоззренческую самобытность каждого, — сказал он, — при рассмотрении их исторических произведений обнаруживается несколько „точек встречи“: близких, „перекликающихся“ особенностей решения проблемы личности в истории. Мысль Льва Толстого: „Царь есть раб истории“ — находит соответствие во мнении Алексея Толстого об ответственности всей русской земли за тиранию Грозного. Нравственная мера исторических деяний и деятелей, выраженная в знаменитой формуле: „Нет величия там, где нет простоты, добра и правды“, — является определяющей и для историософии А. К. Толстого, в которой христианская система ценностей помогает осмыслить и оценить и человеческие пороки, и государственные преступления».

Свой доклад «Новое в эпистолярном наследии Л. Н. Толстого» Т. Н. Загородникова (Институт востоковедения РАН, Москва) начала информацией о том, что наибольшей популярностью в Индии пользовались «народные рассказы» Толстого и многочисленные публицистические статьи, близкие менталитету индусов по их философско-этической направленности. Влияние Толстого на писателей Индии было многообразным, и не только в области литературы, но и в области философии, миропонимания. По образцу яснополянской школы и задуманного Толстым «университета в лаптях» Р. Тагор создал знаменитую школу «Вишва-Бхарати», в которой осуществил многие из толстовских педагогических принципов. Эти же направления творчества писателя затронуты и в письмах, которые Толстой получал от индийцев. Докладчица сообщила сведения об известных в настоящее время 53 письмах индийцев Толстому, для текстологической подготовки и комментирования которых, по ее убеждению, необходимо привлечь профессионалов-востоковедов.

Заседание завершилось подведением общих итогов конференции.

©А. Г. Г о р ы ш и н а